

Что за страдания на этом свете.

Самое страшное, что такие обвинения ставят под удар её статус первой светской львицы Хайши. Сколько же притворных подружек точат зубы на это место, только и ожидая, когда она сорвется с пьедестала.

Цю Цинши не могла просто так терпеть клевету:

— Папа, не говори ерунды, у нас с Сянъи всё прекрасно.

Цю Фугуй до того разозлился, что у него потемнело в глазах. Он велел матери Цю Цинши принести тонометр, и, когда измерили давление, оно перевалило за двести, установив новый рекорд.

— Прекрасно? Чушь собачья! Ии сама мне всё рассказала, ты наставила ей рога!

Цю Цинши была потрясена. Эта изменщица Яо Сянъи сама же первой побежала жаловаться!

— Она врет! — Цю Цинши раздулась, как рыба-фугу, виски дергались, и она прижала к ним большие пальцы.

Цю Фугуй не унимался:

— Всё еще упрямисься? Ии выложила всё в соцсети, неужели это может быть ложью!

Эта изменщица дошла до того, что потеряла всякий стыд!

Цю Цинши поспешно открыла WeChat, но тут же вспомнила, что утром заблокировала Яо Сянъи. Она прижала телефон к груди и сказала Таоцзы:

— Посмотри ленту Яо Сянъи.

Таоцзы, которая весь день бегала с ней по делам, еще не успела узнать о главных событиях в их кругу. Она недоуменно открыла нужный пост и застыла в ужасе.

— Сестренка, лучше тебе этого не видеть, — голос Таоцзы дрожал.

По одному её виду Цю Цинши поняла: Яо Сянъи подготовила тяжелую артиллерию. Она заглянула в экран — так и есть.

Девять фотографий, на которых во всей красе запечатлен разгул в баре: безумно трясущий головой юноша, девушка с оголенной талией, неоновые огни танцпола, размытые кольца дыма...

Ого, а она та еще панкуха.

Больше всего внимания привлекал центральный снимок: женщина с винно-красными волосами, пьяная в стельку, лежит на барной стойке. Руки раскинуты, поза расслабленная и небрежная.

И подпись — самая нахальная:

Эти чувства не стоят моих сомнений,

Не стоят моих раздумий,

Не стоят того, что я тебя любила.

Не стоит, а еще хватает наглости переписываться с ней! Да еще и с таким энтузиазмом!

Цю Цинши увеличила фото, пытаясь разглядеть лицо женщины, но та уткнулась головой вниз, обнажив лишь гладкий затылок. Она оставила попытки рассмотреть фото и начала перебирать в уме всех знакомых с винно-красным цветом волос.

Перебрала всех...

Никого. Совсем никого.

Точно, это новая пассия Яо Сянъи.

Лицо Цю Цинши мгновенно изменилось: из красного стало белым, затем черным, и, наконец, застыло в пепельно-сером цвете. Гнев в её глазах метался, словно неуправляемые молекулы.

Таоцзы, боясь, что та сорвется, попыталась забрать телефон, чтобы Цю Цинши в порыве ярости его не разбила. Но она явно недооценила выдержку первой светской львицы.

Цю Цинши открыла окно машины, сделала два глубоких вдоха, и румянец на её щеках постепенно стал сходить.

— Таоцзы, напиши Яо Сянъи сообщение.

— Что... написать? — боязливо спросила Таоцзы.

— Обругай её!

— Как... обругать?

Цю Цинши сжала пальцы в кулак и прижала к подбородку, словно сосредоточенно обдумывая:

— Пиши... изменщица, чтоб ты сдохла.

Таоцзы печатала молниеносно: как только Цю Цинши закончила, сообщение было отправлено. А следом, трусливо добавила: {Госпожа Яо, это Таоцзы, предыдущую фразу просила передать госпожа}.

Спонсор Яо-босс: {Передай этой плоскогрудой, что у неё не только грудь плоская, но и актерская игра — сплошной кринж}.

Цю Цинши рядом сохраняла невозмутимый вид, глядя в окно, но привычка покусывать пальцы выдавала её нервозность. Она искоса взглянула на экран Таоцзы:

— Что она ответила?

Таоцзы, словно окаменев, с хрустом повернула шею:

— Госпожа Яо говорит, что у вас грудь плоская... и играете вы плохо...

Цю Цинши от ярости рассмеялась, её плечи затряслись, дыхание стало неровным. Таоцзы

похолодела — ледяная волна пробежала от пяток до макушки.

Видя это, Цю Цинши закатали рукава и взялась за дело сама.

{С чего это размер В — плоская!}

Спонсор Яо-босс: {Если бы не моя помощь, выросла бы ты до В? На первом курсе у тебя был чистый А!}

{Это у тебя А! Это у тебя А! Это у тебя А!}

Спонсор Яо-босс: {Бе-бе-бе-бе-бе~}

Цю Цинши схватила подушку с кровати, с силой ударила её и сменила тему: {Ты еще имеешь наглость перекладывать вину на меня, неся чушь перед моим отцом!}

Всплыло уведомление:

{Пользователь ограничил круг лиц, которые могут отправлять ему сообщения. Вы не в списке друзей. Пожалуйста, сначала отправьте запрос на добавление в друзья.}

Цю Цинши: «!!!!!!!!!!!!»

Теперь она поняла: нахальнее Яо Сянъи никого нет!

На следующий день Яо Сянъи, протрезвев, смутно помнила события ночи, но в целом всё восстановила. Вспомнив тот манерный пост в соцсетях и бред, который она несла Цю Фугую... ей захотелось дать себе пару пощечин.

Но так как было больно, пощечины достались лицу Чи Гуюань.

Чи Гуюань, еще видевшая сны, от боли вскрикнула, сбросила одеяло и собралась драться с Яо Сянъи, но последствия похмелья вызвали у неё раскалывающую голову боль. Она хмыкнула и снова рухнула в постель.

Яо Сянъи встала, приняла душ, привела себя в порядок и зашла в соцсети. Оказалось, что вчерашний пост набрал больше сотни лайков, половина из которых — от притворных подружек Цю Цинши.

Какая трогательная сестринская любовь! — фыркнула Яо Сянъи, глядя в зеркало.

Она удалила пост, позавтракала, приготовленным тетушкой Ми, и в отличном настроении села в Майбах, чтобы ехать на утреннее совещание. Странно, но после ночных посиделок с алкоголем она чувствовала себя не уставшей, а полной сил. Наверное, потому что удалось поиздеваться над Цю Цинши. Обычно она во всем потакала жене, а теперь, когда Цю Цинши оказалась в дураках, она почувствовала себя освобожденным рабом, который наконец запел.

Следующие несколько дней их холодная война только обострялась. Они не только игнорировали друг друга, но и ровно в восемь вечера начинали перестрелку в соцсетях.

Цю Цинши постит: «Этот мир того не стоит».

Яо Сянъи отвечает: «Прощай, моя любовь, я хочу сказать прощай».

Цю Цинши: «Всё это пена, лишь мгновенная искра».

Яо Сянъи: «Не стоило вдыхать её красоту, стереть всё и спать с тобой».

Все друзья в ленте: «?????????»

Через неделю Яо Сянъи с подавляющим преимуществом победила в битве цитат.

Цю Цинши, не выдержав, поделилась на своей основной странице в Weibo пошлой и залихватской песней «Любовь на продажу». Это вызвало у пользователей волну ностальгии. В тот же день во всех магазинах «всё по две юаня», парикмахерских и лавках заиграла эта песня, и фраза «любовь — не то, что можно купить, когда захочешь» разнеслась по всем улицам.

Фанаты «Луосыфэнь» были в шоке: их богиня, чистая и невинная, как цветок лотоса, вдруг полюбила такое? Они объединились и пожаловались на пост, утверждая, что аккаунт взломали.

Цю Цинши: горько плачет.

Впервые она подумала, что фанаты — такие неблагодарные. Когда самолет приземлился в аэропорту Хунцяо в Хайши, она увидела встречающих её фанатов и ласково спросила:

— Кто это пожаловался, что меня взломали?

Все гордо подняли ручки, как школьники, ожидающие похвалы учителя.

Улыбка Цю Цинши слегка треснула:

— Ого, как много вас... спасибо за старания.

Фанаты: «Ой-ой-ой, нам не сложно~»

Они проводили её до машины, со слезами на глазах не желая отпускать:

— Сестренка, мы всегда рядом, будем любить только тебя вечно.

Цю Цинши помахала им на прощание:

— И я вас люблю.

Телохранитель захлопнул дверь. Цю Цинши тут же изменилась в лице и сказала Таоцзы:

— Вычеркни их из списка фанатов.

Таоцзы: «.....»

Водитель, который был тем же, что и всегда, проявил инициативу:

— Госпожа Яо сейчас в компании, госпожа не хочет заехать?

Цю Цинши холодно ответила:

— Не смей упоминать её при мне!

Водитель: «.....»

Вернувшись домой, Цю Цинши не застала тетушку Ми — та наверняка ушла в супермаркет. После целого дня в самолете кости ныли, сил разбираться не было. Она сбросила туфли, дотащилась до спальни и рухнула в подушки, закрыв глаза.

Но сон не шел.

В нос бил чужой аромат духов — едва уловимый, очень легкий.

Цю Цинши открыла глаза, уткнулась лицом в подушку и с силой втянула воздух...

Она поняла: это запах сухого мыла, смешанный с сексуальным женским одеколоном. Это не её аромат — она пользуется Jo Malone. И не Яо Сянъи — та предпочитает L'Artisan Parfumeur.

Цю Цинши словно током ударило, она подскочила на кровати и в тот же миг заметила на подушке чужой волосок. Она взяла его пальцами, поднесла к глазам и внимательно изучила.

Винно-красный, средней длины.

Она застыла. Лицо залила ярость и отчаяние.

Чертова изменщица, привела в дом любовницу!

Решила поиграть по-крупному!

Два чувства сплелись воедино, заставляя её грудь тяжело вздыматься. Она с трудом сдерживала порыв.

Нет, она не может этого терпеть!

Она пошла на кухню, нашла нож для фруктов, но сочла его недостаточно внушительным и взяла кухонный тесак. Лезвие холодно блестело, сталь была качественной — такая без труда разрубит что угодно, а значит, поможет ей в разборках с Яо Сянъи.

Сжимая нож, она ловко крутанула его в руке — отлично, мастерство владения оружием никуда не делось.

Вдруг она забеспокоилась: пропустят ли её с тесаком через охрану в небоскребе Цзинхун? Яо Сянъи, эта изменщица, так дорожит своей шкурой, что меры безопасности там строже некуда.

Она вернула тесак на место, порылась в шкафу и нашла скалку. Взвесила её в руке — довольно увесистая, точно сможет сломать Яо Сянъи пару ног.

Поскольку скалка была длинной, ей пришлось сменить сумочку на большую сумку-ведро, она закинула её на плечо и поехала прямо к небоскребу.

Охрана и администраторы на ресепшене, как всегда, были с ней почтительны. Она включила актерское мастерство на полную, обведя их вокруг пальца, и никто не заметил у неё запрещенного оружия.

Лифт доставил её на тридцать девятый этаж.

Цинь Чунь горячо её поприветствовала:

— Госпожа!

— Отойди!

Цю Цинши обошла её и быстрым шагом направилась к кабинету президента. Каблуки звонко стучали по полу — как будто она уже предвкушала, как вонзит нож. В момент, когда она распахнула дверь, она выхватила скалку...

Посмотрим, сколько тут любителей поглазеть на чужие беды!

Яо Сяонань

Глава 17

Утренние совещания — обычное дело для компании, они начинаются ровно в девять каждую пятницу. В этот день сотрудники приходят заранее.

К удивлению Яо Сянъи, сегодня пришел и старик. Он был хмур и не удостоил её добрым словом.

Яо Сянъи, по натуре дерзкая и самоуверенная, прожила с ним под одной крышей двадцать лет и так и не смогла найти с ним общий язык. Их отношения — как в той песне: чуть натяни, и порвется.

К счастью, Яо Сянъи уже не была незрелым подростком, поэтому внешне всё выглядело пристойно: чай, заботливые вопросы. Со стороны — полная идиллия.

Как только совещание закончилось, старик вызвал её в кабинет и тут же начал отчитывать:

— Ты опять не была в компании в прошлые выходные? — он опустил в кресло, положив руки на трость. Видимо, из-за слабого здоровья лысина на голове стала еще больше. Под лампами она блестела, как начищенный таз.

Яо Сянъи засмотрелась на этот блеск и лишь спустя время ответила:

— Были дела.

— Дела в баре? — он притопнул тростью, рявкнув: — Повторяю, небо рухнет — не важно, компания важнее всего!

Яо Сянъи пожалела, что забыла скрыть от него тот пост в соцсетях. Она стояла, вытянувшись в струнку, и ответила улыбкой, означавшей: «пусть будет по-твоему».

Её отношение «на лице улыбка, а в душе — проклятия» лишь разожгло гнев старика. Он едва не закашлялся, перекрывая голос:

— Твой отец — никчемный человек, с ним я ничего поделать не могу, но с тобой — запросто! Не вздумай брать с него пример! Слышала?

Отец Яо Сянъи с рождения был свободолюбивым, знал толк в искусстве, а его мечтой было стать мастером живописи. Сейчас он профессор в Академии искусств в столице, учит студентов. Но в глазах старика он был просто бездельником.

У Яо Сянъи было полно работы, и тратить время на ссоры не хотелось. Каждая их встреча заканчивалась скандалом — зачем это нужно?

Но старик не унимался, холодно фыркнув:

— Твои дяди и тети только и ждут, когда ты оступишься. Сразу предупреждаю: если не хочешь эту компанию — скажи мне сейчас. У меня не одна внучка, желающих занять место наследника полно!

Опять двадцать пять. Коронный прием старика — угрозы.

Даже у Яо Сянъи терпение лопнуло:

— Действительно, не одна. Но все остальные — полные бездари.

Она сказала это спокойно, но с явной издевкой.

Старик оскалился:

— Ты и вправду возомнила о себе невесть что...

В этот момент дверь с грохотом распахнулась. Стены вздрогнули.

Яо Сянъи и старик вздрогнули и обернулись: в дверях стояла Цю Цинши с окровавленной... нет, со скалкой в руках, полная ярости.

Оба: «?????»

Цю Цинши никак не ожидала увидеть старика и застыла, словно её заморозили. Она открыла рот, не в силах пошевелиться. Воздух застыл. Сцена вышла неловкой. Над головами словно пролетела ворона.

В этот миг у Цю Цинши была лишь одна мысль: всё, репутация первой светской львицы уничтожена.

Хорошо, что она актриса — всё еще можно исправить.

Она медленно опустила скалку и с невозмутимым видом убрала её обратно в сумку-ведро. Движения были нежными, естественными, как будто она прятала надушенный платок.

Затем она повернулась на сорок пять градусов, демонстрируя красивый профиль, слегка дрогнули ресницы, уголки губ приподнялись в легкой улыбке.

Голосом, полным мягкости, присущей южным девушкам, она произнесла:

— Это... фанаты подарили мне светящуюся палочку.

Яо Сянъи: «.....»

Старик не сдержался:

— Чья это палочка такая толщиной со скалку?

Цю Цинши не ответила, улыбаясь, повернулась к вошедшей следом Цинь Чунь:

— Ну что же ты, не предложишь дедушке чаю?

Старик отрезал:

— У меня бессонница, чай не пью.

Ха, дед всё такой же нелюдимый.

Цю Цинши не растерялась, поставила сумку в угол дивана и с сыновьей почтительностью добавила:

— Тогда я приготовлю вам сок, подождите минутку.

Не дожидаясь ответа, она выпорхнула из кабинета.

Старик, будучи одним из зрителей их «соцсетевых войн», знал, что супруги поссорились и вряд ли помирятся. А тут дело дошло до скалки...

Тц-тц-тц...

Он посмотрел на Яо Сянъи многозначительным взглядом и, нахмурившись, бросил:

— Если не справляешься — зови охрану.

Яо Сянъи с тоской подумала: «Ты хоть одним глазом видел, что я не справляюсь?»

Когда Цю Цинши вернулась, старика уже не было. Только Яо Сянъи сидела за столом, насмешливо глядя на неё.

Цю Цинши расслабила плечи:

— Где дедушка?

— Ушел.

Отлично, дед помешал ей применить насилие.

Цю Цинши поставила сок на столик, и кротость на её лице тут же сменилась яростью. Она размяла кулаки и снова полезла в сумку за скалкой...

Полезла...

Еще раз...

Хм? Где её скалка?

— Это ищешь? — Яо Сянъи подняла предмет и с вызовом постучала им по ладони.

— Отдай! — Цю Цинши уперла руки в бока и грозно посмотрела на неё, как маленький ежик, готовый уколоть.

Яо Сянъи широко улыбнулась, не спеша прошла по кабинету, обошла кресло и, опершись локтями на спинку, лениво свесила руки, обнажая тонкие запястья.

— Принесла её сюда, и что хотела сделать?

— Отлупить тебя, изменщицу! — заявила Цю Цинши.

Яо Сянъи не выдержала и рассмеялась — впервые она нашла у Цю Цинши чувство юмора.

Цю Цинши почувствовала себя оскорбленной:

— Яо Сянъи, я была слепа, когда вышла за тебя!

Яо Сянъи не позволила никому бросать вызов её авторитету босса:

— Взаимно!

Цю Цинши покраснела от ярости:

— Ты обещала любить меня всю жизнь, и что? Прошло четыре года, а ты... дома не ценишь, а на стороне гуляешь, да еще и приводишь всяких девиц домой!

Яо Сянъи:

— Ты клеветешь!

Цю Цинши:

— Ты бесстыжая!

Яо Сянъи:

— Сука, ты становишься всё более невыносимой!

Цю Цинши:

— Это ты сука! Изменщица!

Яо Сянъи не выдержала, сняла пиджак, закатав рукава белой майки:

— Цю Цинши, я слишком баловала тебя эти годы, ты совсем страх потеряла!

Цю Цинши не уступила:

— Яо Сянъи, ты что, забыла, как только что получила по ушам?

Яо Сянъи, разъяренная, коснулась всё еще опухшего уха. Опять вспыхнула. Она её бьет, да еще и так уверенно!

Никакого закона нет! Сегодня она обязана вернуть достоинство босса.

Именно в этот момент Цинь Чунь привела Бай Мэнчжао. Они застали Яо Сянъи с растрепанными волосами, которая грубо прижала Цю Цинши к рабочему столу.

Канцелярские принадлежности, не выдержав их «страсти», с грохотом посыпались на пол. У Цю Цинши разметались волосы, одной рукой она сжимала скалку, другой вцепилась в воротник футболки Яо Сянъи, обнажая её плечо.

Они тяжело дышали, грудь вздымалась, пот стекал по лицам.

Цинь Чунь, фанатка номер один их пары: «А-а-а-а, попала на трансляцию, офисный геймплей плюс БДСМ!!!!!»

Как же это чертовски сладко!

Бай Мэнчжао, будучи еще слишком юной, не смогла вынести этой внезапной взрослой экспрессии, зажмурилась и отступила на десять шагов назад.

<http://bllate.org/book/21445/2191664>